

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Бодрунова Светлана Сергеевна

МЕДИАКРАТИЯ: СМИ И ВЛАСТЬ
В СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Специальность 10.01.10 – Журналистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Санкт-Петербург

2015

Работа выполнена в Санкт-Петербургском государственном университете.

Научный консультант: доктор социологических наук, профессор Анатолий Степанович Пую, профессор кафедры международной журналистики СПбГУ.

Официальные оппоненты:

Акопов Григорий Леонидович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Ростовского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации (МГТУ ГА), директор Ростовского филиала МГТУ ГА;

Гайнутдинова Людмила Александровна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;

Колесников Владимир Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры истории и политологии Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Ведущая организация – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Защита состоится 25 июня 2015 года в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.17 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199004, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, дом 26, СПбГУ, ауд. 304.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Материалы по диссертации размещены на сайте СПбГУ (<http://if.spbu.ru/about/4321/5443.html>).

Автореферат разослан: « ____ » _____ 2015 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л. Г. Фещенко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования. Диссертационное исследование посвящено теоретическому и эмпирическому анализу взаимодействия двух социальных подсистем – политики и медиа – в контексте демократического развития современных национальных государств. Актуальность и самой проблематики исследования, и авторского взгляда на нее обуславливается несколькими аспектами как в историко-политическом процессе последних десятилетий, так и в развитии современной науки.

Медиаполитическое взаимодействие как социальный феномен не теряет остроты уже несколько столетий, с момента появления стабильной (в первую очередь элитарной) читательской аудитории СМИ и формирования зачатков феномена публичности¹, создание и поддержание которой в обществе сегодня признается многими авторитетными учеными в качестве первичной, фундаментальной функции (primary function) медиасистемы.² Но сегодня взаимодействие СМИ и политики требует актуального переосмысления и переопределения в связи с несколькими факторами.

Во-первых, широкая социальная трансформация, наблюдаемая в последние десятилетия, захватывает в том числе и зону взаимодействия медиа и политики. Складывание в развитых странах в последней четверти XX века новой социокультурной формации – постмодерна – породило ряд *общемировых и макрорегиональных социальных сдвигов*, задающих сегодня *общий динамический контекст* медиаполитических исследований.³ Безусловно, эти сдвиги неодинаковы в их степени и последствиях для разных государств, но их наличие уже не оспаривается современной наукой – по

¹ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Öffentlichkeit. Neuwied/Berlin, 1962.

² Comparing Political Communication: Theories, cases, and challenges / ed. by F. Esser, B. Pfetsch. Cambridge, 2004.

³ Бурдые П. Социология политики. М, 1993; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М: Новое издательство, 2011; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб, 1998; Цурина И. В. Социально-политический контекст философии постмодернизма. М, 1994.

крайней мере для ареала национальных государств, охваченных постмодерной формацией. Это, среди прочего:

- *новая интегративно-дезинтегративная социальная динамика* (горизонтализация социальных связей⁴, социальная атомизация, десолидаризация, индивидуализация), приводящая к разрушению традиционных иерархий и связей между индивидами и группами⁵, размывание границ социальных подсистем;

- *глобализационная тенденция*. При всем разнообразии подходов к ее интерпретации⁶ и неизменно присутствующем обратном (глокализационном) тренде⁷ именно политическое измерение глобализационного контекста после разрушения мирового биполяризма в 1985–1991 годах переориентировало и подстегнуло сравнительные исследования в социальных и гуманитарных науках. Тематика исследований сменилась с анализа идеологически предзаданного биполярного противостояния на анализ действительных сходств и различий в развитии разных аспектов социальности в устойчивых и переходных демократиях. Глобализационный контекст требует

⁴ Barney D. D. *The Network Society*. Bodmin: MPG Books, 2004; Braten S. *Modeller av menneske og samfunn: Bro mellom teori og erfaring fra sosiologi og sosialpsykologi*. Oslo: Universitetsforlaget, 1981; Castells M. *The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*. London: John Wiley & Sons, 2000; Castells M. *The Theory of The Network Society*. Bodwin: MPG Books, 2006; Hassan R. *Media, Politics and The Network Society*. Glasgow: Bell&Bain, 2004; *The Network Society: From Knowledge to Policy* / ed. by M. Castells, G. Cardoso. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005; Van Dijk J. *The Network Society: Social Aspects of New Media*. London: Sage, 2005; Wellman B. *Structural Analysis: From Method and Metaphor to Theory and Substancy* // *Social Structures: A Network Approach* / ed. by B. Wellman, S. D. Berkowitz. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 19-61.

⁵ Анишкин М. А. Теория социальной и системной интеграции: истоки и развитие // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. 2009. №2. С. 80–83; Антоновский А. Ю. Общество как общение и разобщение: послесловие // Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006 - <http://episteme.iph.ras.ru/obsheniye.doc>; Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Под ред. А. О. Бороноева. СПб, 1994; Марков Б. В. В поисках другого: предисловие // Ю. Хабермас: Вовлечение другого: Очерки политической теории / под ред. Д. В. Скляднева. СПб, 2008. С. 5–44; Парсонс Т. Система современных сообществ. М., 1997; Habermas J. Op. cit.; Habermas J. *Moral Consciousness and Communicative Action*. Cambridge, 1990; Luhmann N. *Social Systems*. Stanford: Stanford University Press, 1995; Putnam R. D. *Bowling Alone: America's Declining Social Capital* // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6, Issue 1. P. 65–78; Putnam R. D. *Tuning in, Tuning out: The Strange Disappearance of Social Capital in America* // *Political Science and Politics*. 1995. Vol. 28, Issue 4. P. 664–683.

⁶ Блинов А. С. *Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка*. М: МАКС Пресс, 2003.

⁷ Современная зарубежная журналистика: глокализация в практике западноевропейских СМИ: учеб. пособие / под ред. А. С. Пую. СПб: Изд. дом «Санкт-Петербургский университет», 2010; Robertson R. *Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity* // *Global Modernities* / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, 1995. P. 25–44; Robertson R. *The Globalization Paradigm: Thinking Globally* // *Religion in the Process of Globalization* / ed. By P. Beyer. Wurzburg, 2001. P. 3–22.

сравнительного описания социальных интеракций с целью установления универсальных (глобальных) и национально-/регионально-особенных характеристик социальных процессов;

- *медиазация социальной сферы*⁸. Осмысление этого феномена породило несколько почти не связанных между собой научных дискурсов, первым по времени из которых, как представляется, стало обсуждение феномена нарождающегося информационного общества; сегодня можно, скорее, говорить о формировании сетевого общества – в первую очередь за счет роста деперсонализированных социальных связей и экспликации «айсберга» социальной коммуникации в технологизированной форме. Новые практики с новой остротой поставили вопрос о качестве журналистского продукта и самоопределении в профессии, нахождении ее границ и границ медиасистемы в системе социальной. Но идея информационного общества оправдывается минимум в одном аспекте: *доступ к созданию, распределению и отправлению властных полномочий действительно все больше зависит от взаимодействия с информационными потоками в обществе*. О сущностной, а не только формальной («подстройка» политики под ритм жизни медиасистемы, проникновение «медийной логики» в политический процесс⁹) медиатизации политики¹⁰, когда СМИ в том или ином качестве влияют на властные практики (в частности, принятие и воплощение решений¹¹), говорят

⁸ Hjarvard S. *The Mediatization of Culture and Society*. Oxon: Routledge, 2013; *Mediatization: Concepts, changes, consequences* / ed. by K. Lundby. New York, 2009; *Mazzoleni G. Mediatization of Society* // *The International Encyclopedia of Communication* / ed. by W. Donsbach. New York, 2008. P. 3052–3055.

⁹ Meyer T. *Mediokratie: die Kolonisierung der Politik durch die Medien*. Frankfurt-am-Main, 2001; *Couldry N., Hepp A. Conceptualizing Mediatization: Contexts, Traditions, Arguments* // *Communication Theory*. 2013. Vol. 23. P. 191–202.

¹⁰ *Couldry N., Hepp A. Op. cit.*; *Mazzoleni G. Mediatization of Politics* // *The International Encyclopedia of Communication* / ed. by W. Donsbach. New York, 2008. P. 3047–3051; *Mazzoleni G., Schulz W. «Mediatization» of Politics: A Challenge for Democracy?* // *Political Communication*. 1999. Vol. 16, Issue 3. P. 247–261; *Strömbäck J. Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics* // *The International Journal of Press/Politics*. 2008. Vol. 13, Issue 3. P. 228–246; *Strömbäck J. Mediatization of Politics: Towards a Conceptual Framework for Comparative Research* // *The Sourcebook for Political Communication Research: Methods, Measures, and Analytical Techniques* / ed. by E. P. Bucy, R. L. Holbert. New York, 2011. P. 367–382.

¹¹ *Mass media and American politics: 6th ed.* / ed. by D. Graber. Washington, DC, 2002; *Mediated Politics: Communication in the Future of Democracy* / ed. by W. L. Bennett, R. M. Entman. Cambridge, 2000; *Miller D. System failure: It's not just the Media – the Whole Political System has Failed* // *Journal of Public Affairs*. 2004. Vol. 4, Issue 4. P. 374–382; *Norris P. Global Political Communication: Good Governance, Human Development and Mass Communication* // *Comparing Political Communication: Theories, cases, and challenges* / ed. by F. Esser, B. Pfetsch. Cambridge, 2004. P. 115–150.

ученые во всем мире. Корпус этой литературы, однако, настолько велик и разнообразен, что требует осмысления самих основ медиатизации политики, поскольку, например, медиасистема рассматривается в этих работах чаще всего не как социальная подсистема или коллективный актер с собственной повесткой дня, целеполаганием, социальной функциональностью и механизмами принятия решений, а как механическая совокупность каналов коммуникации, коммуникативная среда, набор медиапредприятий, внешняя среда для политической системы – и многими другими способами, отрицающими за медиасистемой самоопределение. Поэтому требуется как можно точнее (вероятно, междисциплинарным путем) определиться в терминологии обсуждения медиатизации политики, а также поставить это обсуждение на рельсы «большого» методологического подхода, что было бы эквивалентно поиску метатеории или теории среднего уровня для анализа накопленных наукой данных о медиатизации властных процессов.

Перечисленные тенденции, наряду с некоторыми менее значимыми, представляют собой широкую рамку для демократических процессов рубежа веков, которые и составляют предмет нашего внимания. В описанных выше условиях в мире наблюдаются *продолжающиеся процессы демократизации* в разных регионах, обладающие, однако, *нелинейной природой*. Описанные С. Хантингтоном «волны демократизации»¹² получили продолжение в 2008 – 2011 годах на арабском Востоке в рамках уже нового, сетевого и технологизированного коммуникативного пространства, пролагая путь от «года Африки» до «Арабской весны». Но в то же время те страны, которые пошли по пути демократизации до появления Интернета (в том числе страны постсоветского и постваршавского ареала), довольно часто демонстрируют так называемые «транзиторные откаты»¹³, смещая транзитологическую

¹² Huntington S. P. Democracy's Third Wave // Journal of Democracy. 1991. Vol. 2, Issue 2. P. 12–34; Diamond L. Is the Third Wave over? // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7, Issue 3. P. 20–37.

¹³ Карл Т. Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // ПОЛИС: Политические исследования. 2004. № 4. С. 6–27; Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты // Политология: лексикон / под ред. А. И. Соловьева. М., 2007. С. 123–134; Хинтба И. Р. Три этапа эволюции

дискуссию в сторону обсуждения не индивидуальных и/или универсальных траекторий демократизации, а *условий демократического строительства и критериев качества самой демократии*. А поскольку некоторые аспекты работы медиасистем признаны ключевыми для формирования стабильного демократического режима, то развитие медиасистем в транзитивных демократиях должно не только пристально изучаться постфактум, но и моделироваться на основе опыта государств, прошедших по пути демократизации раньше других. Несмотря на значительные различия в нормативном понимании демократии (между ценностно-ориентированным и процедурным пониманием сути демократии¹⁴, либерально-демократической и коммунитаристской парадигмой¹⁵, «элитистами» и «плюралистами»¹⁶ и т.д.), научный консенсус, основанный на структурно-функциональном подходе, сложился вокруг нескольких *базовых положений, связывающих медиасистему и качество демократии*. К ним, среди прочих, можно отнести:

- *идею о СМИ как создателе феномена публичности* – социальной дихотомии «общественное/частное» и постоянной общественной дискуссии о границах частного и публичного (*public/private debate*)¹⁷. Влияние публичности на практики в разных подсистемах общества весьма велико. Так, например, это выявление (выведение в сферу публичного) недолжных приватизационных («рефеодализационных», в терминах Ю. Хабермаса) властных/собственнических практик в политике/экономике, что часто

транзитологии: на пути к четвертому? // Вестник Росс. ун-та дружбы народов. Сер. «Политология». 2008. № 2. С. 20–34; *Burawoy M.* Transition Without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism // East European Politics and Societies. 2001. Vol. 15, Issue 2. P. 269–290.

¹⁴ Теория политики: учеб. пособие / авт.-сост. Н. А. Баранов, Г. А. Пикалов / В 3-х ч. / Ч. 1. СПб: Изд-во БГТУ, 2003. Лекция 12.

¹⁵ *Марков Б. В.* Указ. соч.; Теория политики. Указ. соч.

¹⁶ *Ашин Г. К.* Элитология: учеб. пособие. М, 2005; *Гуггенбергер Б.* Теория демократии // Полис (Политические исследования). 1991. №4. С. 137–148; *Лэй К.* Восстание элит и предательство демократии. М, 2002; *Понеделков А. В., Старостин А. М.* Элитологическая парадигма в современных политологических исследованиях // Про нунс: Современные политические процессы. 2008. Т. 8. № 1. С. 38–48; *Хигли Д.* Демократия и элиты // Полития. 2006. №2 (41). С. 28–30.

¹⁷ *Perry J. L., Rainey H. G.* The Public-Private Distinction in Organization Theory: A Critique and Research Strategy // Academic Management Review. 1988. Vol. 13, Issue 2. P. 182–201; *Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy* / ed. by J. Weintraub, K. Kumar. Chicago (IL): University of Chicago Press, 1997.

концептуализируется как «функция сторожевого пса» (watchdog function) или «функция подателя сигнала» (whistleblower function);

- *вопрос о медиаплюрализме*, трактуемый с подачи Р. Даля как одна из семи ключевых предпосылок развития демократии.¹⁸ Даль называет альтернативность источников информации для каждого члена общества фундаментальным условием демократического развития, и юридическая база развития медиасистем, как ожидается, должна не только обеспечивать демократическое разнообразие СМИ на рынке¹⁹, но и поддерживать разные виды медиаплюрализма на разных уровнях медиасистемы²⁰;

- *ориентирующая функция СМИ*²¹, в т.ч. в политическом пространстве. В медиапрактике это предполагает как ориентацию на информирование, так и интерпретативный компонент, а также наличие сильного деонтологического вектора в работе журналиста и редакции (разделение факта и комментария, баланс источников, профессиональное конструирование медиатекста с точки зрения отражения политического спектра и т.д.). Следует также отметить, что в разных деонтологических парадигмах журналистики (например, противостоящих друг другу парадигмах адвокатирования и арбитража²²) вопрос о политическом функционале медиасистемы решается по-разному;

- базовые демократические функции медиасистемы с «плюралистской» точки зрения – такие, которые способствуют большему плюрализму мнений,

¹⁸ Dahl R. A. Democracy and Its Critics. New Haven (CT), 1989; Dahl R. A. Procedural Democracy // Philosophy, Politics and Society / ed. by P. Laslett, J. Fishkin. Oxford, 1979. P. 97–133.

¹⁹ Voltmer K. Structures of diversity of press and broadcasting systems: The institutional context of public communication in Western democracies. Berlin: Wissenschaftszentrum für Sozialforschung, 2000 – <http://bibliothek.wzb.eu/pdf/2000/iii00-201.pdf>.

²⁰ Бодрунова С. С., Курьшева Ю. В. Принципы европейского регулирования телевизионного сектора // Современная зарубежная журналистика: глокализация в практике западноевропейских СМИ / под ред. А. С. Пую. СПб., 2010. С. 373–391; Harcourt A. The European Commission and regulation of the media industry // Media&Law. 1997 – http://www.medialaw.ru/laws/other_laws/european/e-eh.htm.

²¹ Bruns A. Gatewatching: Collaborative online news production. New York: Peter Lang, 2005; Litvinenko A. A New Definition of Journalism Functions in the Framework of Hybrid Media Systems: German and Russian Academic Perspectives // Global Media Journal. 2013. Vol. 3, Issue 1. – http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-27640/GMJ5_Litvinenko_final.pdf.

²² Hallin D. C., Mancini P. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Johnstone J. W. C., Slawski E. J., Bowman W. W. The Professional Values of American Newsmen // Public Opinion Quarterly. 1972–1973. Vol. 36, Issue 4. P. 522–540; Бодрунова С. С. Западная медиа-аксиология и либерально-демократический идеал работы СМИ // Журналистика. Общество. Ценности / ред.-сост. В. А. Сидоров. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. С. 94–169.

большей вовлеченности граждан в процессы обсуждения и принятия политических решений, открытости политического процесса, росту его рациональности и подконтрольности, четкой и быстрой артикуляции социально-групповых запросов и другим характеристикам политического процесса, которые говорят о свободном доступе к нему рядовых граждан.

Политический функционал медиасистем в современных демократиях далеко не исчерпывается этим перечнем²³; но выполнение именно этих функций чаще всего ставится под сомнение, когда речь идет о современном кризисе демократической идеи в ее евроатлантическом воплощении. Этот кризис не замедлил проявиться в условиях мировой экономической рецессии 2008–2010 годов, породив по всей Евроатлантике, в том числе в США, гражданские движения и протест – либо лево-ориентированный, либо вовсе вне текущего политического спектра. Одним из важнейших аспектов политического кризиса современных устойчивых демократий является *кризис общественной коммуникации*²⁴, вызванный системными искажениями в медиаполитическом взаимодействии. Кризисное восприятие политико-коммуникативного режима в «старых» демократиях в последние десятилетия нарастает, что снова приводит нас одновременно к мысли о нарастающей роли медиаполитического взаимодействия в демократическом процессе и к размышлению над демократическими критериями такого взаимодействия.

Таким образом, фокусом внимания большей части современных медиаисследователей является *развитие взаимодействия медиа и политики в аспекте качества демократии в силу того, что СМИ вовлекаются в процесс создания, распределения и отправления социально-политической власти в медиатизированном обществе*. Растущая роль медиасистемы во властном перераспределении при снижающемся качестве демократии и даже

²³ Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб: Изд-во Михайлова В. А., 2004; Медиакратия: современные теории и практики / под ред. А. С. Пую, С. С. Бодруновой. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013; Прохоров Е. П. Журналистика и демократия. М: Аспект-пресс, 2004.

²⁴ Blumler J. G. Origins of the Crisis of Communication for Citizenship // Political Communication. 1997. Vol. 14, Issue 4. P. 395–404; Blumler J. G., Gurevitch M. The Crisis of Public Communication. London, 1995.

кризисном ее состоянии и создает фокус нашего интереса. В этом фокусе – в первую очередь страны устойчивой демократии, но методология нашего исследования построена таким образом, чтобы она позволяла вовлекать в анализ страны, идущие по пути демократического транзита, с минимальной адаптацией методики исследования.

Актуальность исследования в неменьшей степени определяется тем, что в 1990-2000-е годы медиаполитические исследования вышли на новый уровень напряженности и интенсивности. В науке наблюдаются:

- выход эмпирического анализа политики и демократического развития на системный уровень²⁵, поиск демократических метатеорий²⁶, в целом – «компаративный поворот» в демократических исследованиях параллельно развитию самой сравнительной методологии в социальных и политических науках²⁷. Так, если 1950-1990-е привнесли в политологию сравнительно-теоретический аспект²⁸ (систематизированный сегодня уже на уровне

²⁵ Инглхарт П., Вельцель К. Указ. соч.; Alvarez M. et al. *Classifying Political Regimes* // *Studies in Comparative International Development*. 1996. Vol. 31, Issue 2. P. 3–36; *Assessing the Quality of Democracy* / ed. by L. Diamond, L. Morlino. Washington, DC: Johns Hopkins University Press, 2005; Bühlmann M., Merkel W., Wessels B., Müllle L. *The Quality of Democracy: Democracy Barometer for Established Democracies* // National Centre of Competence in Research (NCCR): *Challenges to Democracy in the 21st Century*. Working Paper No. 10. August 2007. - <http://www.nccr-democracy.uzh.ch/publications/workingpaper/pdf/WP10.pdf>; <http://democracyranking.org/>; <https://v-dem.net>.

²⁶ Fuchs D. *A Metatheory of the Democratic Process* // *Publication Series of the Research Unit Institutions and Social Change of the Research Area Social Change, Institutions and Mediation Processes*. FS m 93-203. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, 1993.

²⁷ Чилкот П. X. *Теории сравнительной политологии: в поисках парадигмы*. М: Инфра-М, 2001; Rose R., MacKenzie W. J. M. *Comparing forms of comparative analysis* // *Political Studies*. 1991. Vol. 39, Issue 3. P. 446–462; Mair P. *Comparative politics: An introduction to comparative overview* // *A New Handbook of Political Science* / ed. by R. E. Goodin, H.-D. Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 309–335.

²⁸ Almond G. A., Powell G. B. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston, 1966; Almond G. A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton (NJ), 1963; *Comparative Perspectives: Theories and Methods* / ed. by A. Etzioni, L. F. Du Bow. Boston: Little Brown, 1970; Dahl R. A. *A Preface to Democratic Theory*. Chicago, 1956; Dahl R. A. *Polyarchy, Participation and Opposition*. New Haven, 1971; Dahl R. *Democracy and Its Critics*. Op. cit.; Easton D. *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. New York, 1953; Easton D. *A Framework for Political Analysis*. Englewood Cliffs, 1965; Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York, 1965; Easton D. *The Analysis of Political Structure*. New York; London, 1990; Lijphart A. *Comparative politics and the comparative method* // *The American Political Science Review*. 1971. Vol. 65, Issue 3. P. 682–693; Lijphart A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven: Yale University Press, 1977; Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-six Countries*. New Haven (CT), 1999; Putnam R. D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1976; Sartori G. *Comparative Constitutional Engineering*. Basingstoke: Macmillan, 1994; Sartori G. *Concept Misformation in Comparative Politics* // *The American Political Science Review*. 1970. Vol. 64, Issue 4. P. 1033–1053; Sartori G. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge, 1976; Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. New York: Cambridge University Press, 1979; и мн.др.

учебников для западных²⁹ и российских³⁰ вузов), то в последние 15-20 лет получены эмпирические результаты общемировых сравнительных исследований демократического развития. Это демократические индексы группы А. Пшеворского, проекта «Polity IV», Economist Intelligence Unit Democracy Index, недавно разработанный Р. Инглхартом и коллегами индекс эффективной демократии, индекс демократического развития от МГИМО(У), проект V-Dem (где автор данного исследования выступила экспертом по России) и др.³¹ Не менее интересны результаты по анализу партийного спектра – Международного проекта по сравнению политических партий под руководством К. Джанды (ICPP Project) и оксфордского The Manifesto Project – или свободам и правам человека (Freedom House Map of Freedom)³²;

- выход анализа развития систем СМИ на системный уровень³³ и «компаративный поворот» в эмпирических медиаисследованиях³⁴. Но если в

²⁹ A New Handbook of Political Science // ed. by R. E. Goodin, H.-D. Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 1996; Comparative Politics Today: A World View / 8th ed. / ed. by G. A. Almond, G. B. Powell, K. Strøm, R. J. Dalton. New York: Pearson Longman, 2004; *Caramani D.* Comparative Politics. Oxford: Oxford University Press, 2008; *Newton K., van Deth J. W.* Foundations of Comparative Politics / 2nd ed. New York: Cambridge University Press, 2010; *O'Neil P., Fields K., Sher D.* Cases in Comparative Politics / 3rd ed. New York: W. W. Norton & Company, 2006; Theory and Methods in Political Science / ed. by D. Marsh, G. Stoker. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2002.

³⁰ *Ачкасов В. А.* Сравнительная политология: учебник. М: Аспект-пресс, 2011; *Голосов Г. В.* Сравнительная политология: учебник / 3-е изд., перераб. и дополн. СПб: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербур., 2001; *Дегтярев А. А.* Основы политической теории: учебник. М: Высшая школа, 1998; *Мухаев Р. Т.* Теория политики. М: Приор, 2005; Политология: учебник / под ред. А. Ю. Мельвиля. М: Проспект, 2004; Политология: учебник / под ред. В. А. Ачкасова, В. А. Гуторова. СПб: Питер, 2005; Политология: учеб. пособие / под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. СПб: Питер, 2005; *Сморгунов Л. В.* Сравнительная политология: учебник для вузов. СПб: Питер, 2011.

³¹ *Инглхарт Р., Вельцель К.* Указ. соч.; *Мельвиль А. Ю., Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю., Миронюк М. Г., Полушин Ю. А., Тимофеев И. Н.* Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М, 2007; *Alvarez M., Cheibub J. A., Limongi F., Przeworski A.* Classifying Political Regimes // Studies in Comparative International Development. 1996. Vol. 31, Issue 2. P. 3–36; Democracy and Development; Political Institutions and Well-Being in the World, 1950-1990 // ed. by M. Alvarez, J. A. Cheibub, F. Limongi, A. Przeworski. New York: Cambridge University Press, 2000; Economist Intelligence Unit Democracy Index. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex12; *Marshall M. G., Cole B. R.* Global Report 2009: Conflict, Governance, and State Fragility // Polity IV Project: George Mason's University Center for Systemic Peace & Center for Global Policy 2009 report. 2009. 7 Dec. URL: <http://www.systemicpeace.org/Global%20Report%202009.pdf>.

³² Estimating the Policy Position of Political Actors / ed. by M. Laver. London, 2001; Freedom House 'Freedom in the World 2013' Map - <http://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2013>; *Janda K.* Political Parties: A Cross-National Survey. New York, 1980; *Janda K., Harmel R., Edens C., Goff P.* Changes in Party Identity: Evidence from Party Manifestos // Party Politics. 1995. Vol. 1. P. 171–196; *Laver M., Garry J.* Estimating Policy Positions from Political Texts // American Journal of Political Science. 2000. Vol. 44, Issue 3. P. 619–634.

³³ См. наиболее известные работы: *Blum R.* Bausteine zu einer Theorie der Mediensysteme // Medienwissenschaft Schweiz. 2005. Vol. 2. Issue 2. P. 5–11; *Blumler J. G., Gurevitch M.* Op. cit.; Comparing Political Communication. Op. cit.; *Hallin D. C., Mancini P.* Op. cit.; *Hallin D. C., Mancini P.* Comparing Media Systems Beyond the Western

политологических сравнительных исследованиях политическое пространство выступает независимым объектом изучения, то медиасистемы практически во всех работах рассматриваются в связи с контекстом своего развития, поскольку ученые видят свою задачу здесь как поиск корреляции траекторий развития медиасистем и особенностей внешней среды (историко-культурных трансформаций, политической системы, экономики, политической и гражданской культуры) – если не в марксовом духе «базиса – надстройки», то как минимум по логике «отражения» национальной политики, экономики и культуры в структуре и бытовании медиасистемы. Как показывает наш опыт анализа некоторых из этих работ³⁵, в них присутствуют существенные искажения результата под влиянием либерально-демократического идеала работы медиасистемы, принимаемого за точку отсчета при отборе переменных и выборе конкретной методики исследования. Однако сама идея медиакомпаративистики как сравнительного анализа медиасистем в разных контекстах представляется продуктивной, в том числе с точки зрения анализа влияния медиасистем на качество демократии;

- накопленные наукой данные как о позитивном (нормативно-демократическом), так и о негативном (антидемократическом) воздействии элементов медиасистем на демократический процесс – и в то же время отсутствие метатеорий среднего уровня, которые могли бы в едином русле интерпретировать накопленные массивы данных. Среди западных ученых распространено мнение о несовместимости двух основных дискурсов – *неолиберального* (о положительной роли СМИ в демократическом процессе)

World. New York, 2012; *Hardy J.* Western Media Systems. New York, 2008; *Mediensysteme im internationalen Vergleich / hrsg. von B. Thomass.* Konstanz, 2007; *Voltmer K.* Mass Media and Political Communication in New Democracies. London: Routledge, 2006; *Voltmer K.* The Media in Transitional Democracies: Contemporary Political Communication. Cambridge: Polity, 2013.

³⁴ *Hanitzsch T.* et al. Mapping Journalism Cultures Across Nations: A comparative study of 18 countries // *Journalism Studies.* 2011. Vol. 12, Number 3. P. 273–293; *The Handbook of Election News Coverage Around the World / ed. by J. Strömbäck, L. L. Kaid.* New York: Routledge, 2008; и мн.др.

³⁵ *Бодрунова С. С.* Западная медиа-аксиология и либерально-демократический идеал работы СМИ // *Журналистика. Общество. Ценности / ред.-сост. В. А. Сидоров.* СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 94–169; *Бодрунова С. С.* Либеральный идеал как точка отсчета в моделировании взаимодействия политической и журналистской систем // *Ценности журналистики и достоинство журналиста (аксиология журналистики): материалы всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Г. В. Жиркова, В. А. Сидорова.* СПб: Издательский дом «Санкт-Петербургский университет», 2010. С. 80–86.

и *медиакритического* (о негативных последствиях и медиаэффектах). Также можно констатировать, что мало точек соприкосновения найдено между двумя дискурсами о способе вовлечения и участия СМИ в политическом процессе – *дискурсом классической политической коммуникации* и *дискурсом о публичной сфере*. Между тем снять оппозиции между ними представляется все-таки возможным. Снять оппозицию между первыми двумя дискурсами можно через нормативное представление о *медиадемократии* как идеальном политическом режиме, создаваемом на базе медиатизированной политики (поскольку любое представление о демократии в той или иной степени нормативно). В этом случае позитивные и негативные аспекты могут изучаться в оппозиции «медиадемократия – ее искажения». Вторую оппозицию также можно частично снять в функциональном разрезе: если первичной, первостепенной функцией журналистики является создание в обществе публичности как таковой и предание социальных феноменов гласности, то итог работы журналистики и медийно-формируемую (но не любую другую) публичную сферу можно хотя бы частично воспринимать в парадигме «деятельность – результат».

Тогда основным вопросом становится уже не вопрос о позитивном или деструктивном влиянии СМИ на политический процесс. Уже доказано, что в разных демократиях происходят сходные процессы, связанные с медийно-обусловленными искажениями, снижающими качество демократического развития. Основной вопрос в этих условиях – предсказание путей развития вовлеченности медиа в процесс принятия и реализации политических решений и последствий дальнейшей «негативной медиатизации» политики. Этот вопрос распадается на несколько других, из которых наиболее важными могут оказаться два: *предсказание развития медиаполитики в транзитивных демократиях* и *моделирование связи медиа и политики в условиях разных социальных систем*. Оба эти вопроса предполагают сравнительный анализ. Сегодня медиаполитические исследования за рубежом проходят фазу поиска ответа на них. В 2004-2012 годах вышли книги методологического характера,

пытающиеся выстроить и апробировать методики сравнительного анализа на основе универсальных переменных и переменных для учета национального контекста. Проблема учета вариативности национального контекста сегодня стоит перед учеными наиболее остро; но следует подчеркнуть наличие общих тенденций в том, как вовлечение медиасистемы в политический процесс искажает его и снижает его демократическое качество.

Из множества концепций, предложенных для обобщенного анализа этих искажений, мы избрали в качестве опорной концепцию *медиакратии*. Из некоторых теоретических работ можно сделать вывод о недооцененной глубине данной концепции: на наш взгляд, она обладает потенциалом для собирания медийно-обусловленных искажений демократии под единый концептуальный «зонтик». Если медиакратией называется особым образом искаженная медиадемократия, то *медиакратизацией* следует называть процесс нарастания указанных искажений. Но чтобы доказать это, требуется пройти «полный научный цикл» - от обоснования выбора (и вообще теоретического наличия) зоны исследования и операционализации терминологии до критики результатов сравнительного анализа в «модельных» странах.

Исходя из всего вышесказанного, *объектом исследования* стало медиаполитическое взаимодействие в современных медиатизированных демократических политиях³⁶. *Предмет исследования* – медиакратизация демократических политий и способы ее оценки в сравнительной перспективе.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы предложить и апробировать аналитическую концепцию медиакратии, которая охватила и объяснила бы антидемократические искажения в медиаполитическом взаимодействии в современных демократических политиях.

Цель работы может быть достигнута путем решения следующих *задач*:

³⁶ Мы здесь и в дальнейшем используем термин «полития» в значении, синонимичном понятиям «национальное государство», «суб-/наднациональное образование» в смысле организации властного распределения и наличия территориальных границ, но не обязательно основанном на национально-государственном принципе. Т.е. политией может быть назван регион внутри страны, государство, надгосударственное или конфедеративное образование.

1. Описать предметную область, исследующую взаимодействие СМИ и политики в современных демократических обществах.

2. Функционально описать медиаполитическое взаимодействие на основе прикладного системного анализа.

3. Выбрать теоретические основания сравнительного анализа медиаполитического взаимодействия, разработать и операционализировать его базовую схему.

4. Проанализировать альтернативные подходы к анализу медиаполитического взаимодействия, в частности дискурс о публичной сфере, и выявить точки пересечения между первым и вторым подходами.

5. Выбрать и описать релевантные методы эмпирического сравнительного анализа медиаполитического взаимодействия.

6. Показать на примерах, что медиаполитическое взаимодействие в последние десятилетия проходило фазу медиакратизации.

7. Предложить методику сравнительного анализа искажений медиадемократии в рамках избранной концепции, в том числе: выбрать ряд «модельных» политий для анализа, разработать аналитическую матрицу, предложить, выбрать и описать параметры (переменные) анализа.

8. Провести сравнительный анализ «модельных» политий по избранным параметрам, сопоставить результаты с итогами предыдущих исследований, сделать выводы о возможном моделировании медиаполитического взаимодействия в устойчивых демократиях.

При условии, что перечисленные выше задачи выполнены, *новизна исследования* может рассматриваться в двух аспектах: теоретико-методологическом и эмпирическом. Новизна работы теоретико-методологического характера заключается в следующем:

1. Обоснован вариант преодоления терминологического разнообразия в медиаполитических исследованиях, преодолена дискурсивная разница между несколькими подходами к изучению взаимодействия СМИ и политики, что

подразумевает возможность использовать результаты разных исследований для формирования концепций/теорий среднего уровня.

2. На основе прикладной теории систем проведено разграничение предметных областей в исследовании взаимодействия СМИ и политики. Обоснована концепция *медиаполитического взаимодействия как предмета исследования в медиаполитологии*, в отличие от политической коммуникации (для политической коммуникативистики) и политической журналистики (для политической медиалогии / политологии журналистики).

3. Предложены основания для российской школы сравнительно-критической медиаполитологии. Разработана концепция медиакратии, обладающая объяснительным потенциалом теории среднего уровня в сфере интерпретации причин и следствий искажений медиадемократического идеала через механизмы медиакратизации – сращивания политической и медийной социальных подсистем.

4. Впервые в российской медиаполитологии пройден «полный научный цикл» - от разработки системных основ медиаполитического взаимодействия до эмпирического доказательства медиакратизации демократических политических режимов и ее вариативности.

5. Проанализирован опыт кейсовых и сравнительных исследований медиаполитического взаимодействия в России и за рубежом, сделаны выводы о границах применимости количественных и качественных методов для анализа медиакратизации демократических политий.

6. Впервые к анализу медиасистем и медиаполитического взаимодействия применен индексный метод. Предложена и прошла первичную апробацию индексная методика сравнительного анализа медиакратизации в шести «модельных» политиях. Предложены рекомендации для совершенствования индексной методики анализа медиакратизации национального государства.

7. Разработаны основания для медиакратического моделирования в демократических и транзитивных политиях.

8. В российскую медиалогию и политологию введено большое количество научных источников, не использовавшихся ранее.

Новизна работы эмпирического характера заключается в следующем:

1. Получены результаты сравнительного анализа медиакратизации шести «модельных» политий в 2000-е гг., доказана вариативность медиакратизации.

2. Интерпретация результатов позволяет утверждать наличие не только индивидуальных сценариев медиакратизации, но и медиакратических моделей. Проанализированы две предполагаемые модели и два индивидуально-страновых сценария медиакратизации.

3. Предложены пулы демократических государств, на которые в дальнейшем может быть распространена методика сравнительного эмпирического исследования медиакратизации демократии.

Хронологические рамки исследования. Общий период рассмотрения охватывает 1960-2000-е годы – время наступления и развития основных тенденций социальной постмодерности. Эмпирическое исследование (индекс медиакратизации) строится на сочетании параметров, анализируемых по вторичным и первичным данным. Вторичные данные рассматриваются на временном периоде 2000-2011 годов. Первичные данные (исследование журналистского сообщества) получены в 2012-2013 годах.

Теоретическая база исследования. Упомянем ведущие труды в наиболее значимых зонах социогуманитарного знания, разбив их на (условно) теоретические, методологические и эмпирические.

Теоретические труды включают работы по следующим направлениям:

- *прикладные аспекты общей теории систем для гуманитарных наук*, в первую очередь для политологии (работы Н. Лумана, Р. Мюнха, Ф. Марцинковского, А. И. Уёмова, Л. В. Сморгунова, Е. В. Безвиконной, В. Череватого);

- *социологическая теория*: теория социальной интеграции и интеракции социальных подсистем (труды Н. Лумана, Р. Мюнха, Т. Парсонса);

- *политическая теория*: бихевиоральный (системно-структурный) подход в системно-политической теории (работы Г. А. Алмонда и коллег, Д. Истона, М. Котты и Л. Вердзикелли); теория политического спектра (труды И. Баджа и соавторов, Х.-Д. Клингеманна и соавторов, К. Бенуа и М. Лейвера, М. Брайсона и У. МакДилла и др.); теория политического маркетинга (работы Э. Даунза, П. Батлера и Н. Коллинза, Р. Катца и П. Мейра, Ф. Котлера и С. Леви, Д. Лиллекера, Дж. Лис-Маршмент, Ф. Маарека, И. Недяк); демократическая перспектива в изучении медиаполитического взаимодействия (работы Р. Даля, Б. Добек-Островской, Ш. Иенгара и коллег, Дж. Кина, Б. МакНейра, Ф. Марцинковского и Б. Пфетш, К. Ньютона, М. Шадсона и др.); теории публичной сферы и структурно-функциональный подход к ее описанию (работы Ю. Хабермаса, а также Ю. Герхардса и коллег, Л. Дальберга, П. Дальгрена, Дж. Дрыжека и коллег, Дж. Фоссума и П. Шлезингера, Ю. Красина и др.); критика теории публичной сферы и альтернативные подходы к ее концептуализации (труды Ю. Герхардса, Л. Дальберга, П. Дальгрена, К. Карппинена и коллег, Дж. Каррена, М. Кастельса, К. Колхауна, М. Ферри и коллег, Н. Фрейзер, Л. Фридленда и коллег, П. Хогендаля и др.);

- *теория медиа*: современная философия медиа в социальной системе (работы М. Кастельса, Д. Маккуэйла, М. Маклюэна); некоторые работы классической теории коммуникации (труды Э. Катца, П. Лазарсфельда и коллег, Г. Лассуэлла); теория медиаэффектов и ее критика (работы У. Беннетта, К. де Вреезе, П. Д'Энджелло, Э. Лэнг, М. Маккоумза и Дж. Шоу, Р. Перлоффа, Э. Пёрс, Дж. Стрёмбека, Д. Шойфеле и мн. др.); критика трансформации журналистики в современных условиях (работы Б. Фрэнклина, Д. Хэллина, С. Смита); российская школа анализа и моделирования зарубежных медиасистем (работы Е. Л. Вартановой, Г. Ф. Вороненковой, М. Ю. Галкиной, С. А. Михайлова, А. В. Одеговой, А. С. Пую и коллег, Ю. Ю. Соломонова); системно-типологическая перспектива в российских исследованиях СМИ (работы А. И. Акопова, Я. Н. Засурского, С.

Г. Корконосенко, Р. П. Овсепяна, П. В. Сухова, О. А. Вороновой и коллег, М. В. Шкондина и др.); «пространственная» перспектива в российских медиаисследованиях (работы И. М. Дзялошинского, Е. Н. Юдиной); журналистская деонтология и либерально-демократический идеал работы СМИ (работы Г. Тушман, С. Уорда, К. Хафеза, В. И. Сидорова и коллег);

- *медиаполитическая теория*: труды о медиадемократии и участии СМИ во властной конфигурации в медиатизированном обществе (работы К. Бибера, К. Деттербека, Ш. Иенгара и Р. Ривза, П. Массинга, Н. Джоунза, Дж. Сартори, Б. Фрэнклина), медиации (работы Д. Альтхайде и Р. Сноу, У. Беннетта и Р. Энтмана, Д. Грейбер, С. Коулмэна, П. Шумейкера и С. Ризе) и медиатизации политики (работы Х. Кепплингера, Н. Коулдри и Э. Хеппа, Ф. Кротца, К. Ландби, Дж. Маццолени, Дж. Стрёмбека, У. Шульца, Ф. Эссера); концепции демократической репрезентации, медиаплюрализма и политического параллелизма в СМИ (работы Ч. Сеймур-Юра, К. Фольтмер, Х. ван Кемпен, Т. Паттерсона и У. Донсбаха, П. Иосифидеса, К. Айдльдерс, А. Саркоглу и Г. Явуза, А. И. Прохорова); критика кризиса общественной и политической коммуникации и управляемости демократических государств в связи с ним (работы С. Барнетта и А. Гейбера, Дж. Бламлера и М. Гуревича, М. Крозье и коллег, Р. Ларокки, Д. Миллера, П. Старра); российская медиаполитологическая школа (работы С. Г. Корконосенко и коллег, Л. Л. Реснянской, А. В. Скобелиной и др.);

- *медиакратическая теория*: западная теория медиакратии: ранние работы (Ф. де Вирьё, К. Филипс, И. Кристал); «этимологический» подход (работы Дж. Кина, Й. Клейнниенхёйса и Е. М. Ритберга, Т. Мейера, А. ван Далена и А. ван Эльста и др.), «системный/маркетинговый» подход (работы Л. Биелиниса, Дж. Бламлера и Д. Каванаха, М. Кастельса, Дж. Лис-Маршмент, Т. Паттерсона), геополитический подход (работы К. Грюбер, М. О'Нила); российская теория медиакратии: «этимологический» подход (работы Г. С. Ковалева, Л. Н. Тимофеевой), «системный/маркетинговый» подход (работы В. Г. Иванова, А. А. Литвиненко, С. П. Поцелуева, А. С. Пую

и коллег, А. И. Соловьева, Н. В. Юханова), геополитический подход (работы А. К. Идаятова, Ю. В. Маркиной, С. Б. Никонова).

Методологические работы включают следующие зоны:

- *методология межстранового сравнительного анализа* в социальных науках – в целом (работы Р. Бенсона, П. Мейра, Ю. Плотинского, Р. Роуза и У. МакКензи и мн. др.), в сравнительной политологии (работы С. Бира и Э. Улэма, Ж. Блонделя, К. Боллена, К. Буа и С. Стоукс, П. Келлстеда и Г. Уиттена, А. Лийпхарта, С. Файнера, Дж. Паскуино); сравнительной медиалогии (работы Дж. Алекзэндера, Р. Бенсона, Р. Блума, Э. Катца и коллег, Дж. Дауни и Дж. Стэньера, С. Ливингстон, Б. Пфетш и коллег, Ф. С. Сиберта, Т. Петерсона и У. Шрамма, Т. Харди, Д. Хэллина и П. Манчини, Ф. Эссера), в т.ч. де-вестернизации макро-медиаисследований (работы Б. Добек-Островской и коллег, Дж. Даунинга, Дж. Куррана и коллег, К. Спаркса, С. Сплихаля, Д. Туссу, К. Фольтмер, Х. Хардта, Д. Хэллина и П. Манчини, К. Якубовича), гибридизации СМИ и сравнительному анализу гибридных медиасистем (работы Р. Бенсона и коллег, А. Чэдвика, С. Адам и Б. Пфетш, А. А. Литвиненко и др.); сравнительный анализ политической коммуникации (работы Дж. Бламлера и М. Гуревича, Дж. Маццолени и коллег, Д. Свэнсона и Д. Ниммо, П. Норрис, Ф. Эссера и Б. Пфетш);

- *иные методологические зоны*: методология общего анализа СМИ и коммуникации (работы Дж. Андерсона, Э. Бергера, Г. Дашманна, К. Йенсена, С. Приста); спектрального анализа в политических исследованиях (работы Р. Баккера, М. Лейвера, С. Францманна и А. Кайзера, С. С. Сулакшина и коллег и мн. др.); анализа риторической ситуации и ситуационного фрейм-анализа (работы Л. Битцера, К.-Х. Джеймисон и Дж. Капеллы).

Практико-ориентированные исследования:

- *в политологии*: сравнительные демократические исследования (работы и проекты Г. А. Алмонда и С. Вербь, М. Гасёровского, Т. Гурра, К. Джанды, Р. Инглхарта и К. Вельцеля, М. Коппеджа и У. Райнике, А. Лийпхарта, А. Пшеворского и коллег, А. Ю. Мельвиля и коллег); кейсовые и сравнительные

исследования политического процесса в «модельных» политиях (работы М. Булла и Дж. Ньюэла, Э. Бэнкса и коллег, Д. Денвера, Г. Кларка и коллег, О. Кирххаймера, М. Лейвера и К. Шепсле, П. Уэбба);

- *в медиалогии*: эмпирические сравнительные исследования медиасистем (работы Б. Добек-Островской и М. Гловацкого, Г. Уэслера и коллег, К. Якубовича и М. Сюзёзда) и коммуникативных культур (работы Т. Ханитцша и коллег, А. ван Далена и коллег, Г. Найгрена и коллег, Х. де Бурга, П. Я. Рыкованова); работы по журналистике в «модельных» политиях (работы Г. Ф. Вороненковой и А. А. Чесанова, А. А. Литвиненко, Б. И. Любимова, А. С. Пую и коллег, В. С. Соколова и коллег, Н. В. Уриной, Л. В. Шарончиковой, В. Параскеви, П. Димитраса, Б. Макнейра, Г. Мейна, Й. Тсфари и мн. др.);

- *в медиаполитологии*: сравнительный анализ работы СМИ в политическом контексте, в т.ч. институциональный подход (работы К. Айльдерс, П. Дальгрена, Н. Коулдри, Т. Кука); кейсовые исследования медиаполитического взаимодействия в национальных государствах (работы Р. Негрина, Л. Л. Реснянской, Н. В. Уриной, Дж. Томаса, К. Циммерманна); (сравнительный) анализ медиаполитического взаимодействия в отдельных элементах национального политического процесса: выборном процессе (работы Дж. Бламлера, Дж. Стрёмбека и Л. Кайд, М. Суонсона и П. Манчини, С. Энсолэбизера и коллег и др.), партийной деятельности (работы У. фон Алеманна и С. Маршалла, Й. Зайссельберга), политическом кампанинге (работы С. Блюменталя, Х. Семетко и коллег и др.), политических конфликтов (работы Ш. Буркхарда, С. Коттла); анализ медиакратических кейсов (работы А. С. Пую и коллег, Н. В. Юханова, А. Делигиаури, Ф. Кретсу, Г. Линстоуна, И. Мантоните, Дж. Макэнтира, Л. Наварро, М. Рамиреса, Л. Розумека, Х. Тюрка, Дж. Уилдона и Э. Макбрайера, И. Эредюса).

- работы, посвященные анализу *медиазаконодательства* в «модельных» политиях (работы И. А. Близнаец и коллег, А. С. Быковой, Р. Бьянко и др.).

Методологическая база исследования. Теоретические фрагменты работы базируются на следующих методах: общенаучные методы (анализ,

синтез, сопоставление, сравнение); методы системного анализа для гуманитарных наук. Эмпирическая часть работы разбита на два сегмента, которым соответствуют: в части анализа медиакратических кейсов – качественные методы (ситуационный анализ, реконструкция, фрейм-анализ, кейс-стади); в части сравнительного анализа – качественно-количественные методы (параметрический анализ, индексный анализ на основании как полевого социологического исследования, так и вторичных данных).

При оценке результатов эмпирического исследования используются методы моделирования. На уровне оценки отдельных параметров медиакратизации используются методики, позволяющие оценить каждый из параметров отдельно (количественные метрики, разработанные специально для анализа каждого из параметров). Так, в частности, при оценке медиаполитического параллелизма в печатной журналистике используются математические методы интерпретации статистических данных в сфере спектрального анализа; при оценке медиаполитического параллелизма в журналистском сообществе – социологические методы сбора данных (анкетирование и обработка анкет). Методики выбора «модельных» политий и индексного исследования медиакратизации изложены в тексте работы.

Основные положения, выносимые на защиту, таковы:

1. До сих пор в медиаисследованиях не сформировалось разделяемое большинством исследователей понятие «медиасистема». Из двух возможных подходов – системного и социально-системного (лумановского) – мы выбрали второй, в котором медиасистема может интерпретироваться как крупная функциональная подсистема общества (Teilsystem), имеющая собственные границы, логику развития, степени открытости и характер взаимодействия с остальной социальной системой.

2. В медиаполитических исследованиях могут быть разграничены политология журналистики (изучающая политическую журналистику), политическая коммуникативистика (изучающая коммуникацию в обществе о политике и коммуникацию политических акторов) и медиаполитология

(изучающая медиаполитическое взаимодействие). Медиаполитическое взаимодействие может быть интерпретировано в социально-системном ключе – как взаимодействие двух крупных функциональных социальных подсистем, политической и медийной. При этом явления, подлежащие изучению, лежат не только в зоне процедур и практик такого взаимодействия, но и в зоне интенций, стратегий, оценки результатов. В работах Ф. Марцинковского и К. Мейера механизмы такого взаимодействия объясняются наличием в каждой из подсистем *системных дефицитов*, заставляющих СМИ и политику взаимодействовать; однако в науке пока не было показано, как именно системные дефициты заставляют две социальные подсистемы взаимодействовать и сближаться.

3. Базовая схема медиаполитического взаимодействия включает ядро политической системы, медиасистему (в ее релевантных структурных элементах) и политико-медийную аудиторию как коллективного актора. Взаимодействие этих элементов рассматривается в нормативно-демократической перспективе и в перспективе социальных отношений власти. Демократический политический режим (как оперативное выражение политической системы), в котором медиа играют большую роль в (пере)распределении политической власти, называют медиадемократией (медиатизированной демократией). При этом медиатизация политического процесса и распределения власти в обществе может как способствовать демократизации политики, так и снижать уровень демократичности.

4. Для обсуждения совокупности антидемократических результатов медиаполитического взаимодействия используется концепт медиакратии, обладающий «зонтичным» потенциалом. Прослежены три подхода к интерпретации термина: «этимологический», «маркетинговый» и глобалистский/геополитический. Показано, что «маркетинговый» подход обладает наибольшим интерпретативным потенциалом, но сочетание «этимологического» и «маркетингового» подходов может быть еще более продуктивным для понимания природы медиакратии.

5. Мы трактуем медиакратию, с одной стороны, как негативную ипостась медиадемократии, основанную на искажении нормативно понимаемого медиаполитического взаимодействия и охватывающую всю совокупность антидемократических феноменов в нем; с другой стороны – как особый тип политического режима, основанный на сращивании журналистики и публичной политики. Причинами такого сращивания являются объективные и субъективные факторы; среди первых – указанные выше системные дефициты, ведущие к поиску наиболее эффективных форм использования ресурсов другой подсистемы, и процессуальная логика, лежащая в основе работы каждой из подсистем; среди вторых – частные текущие интересы политических и медийных акторов. Мы также вводим понятие медиакратизации как нарастания объема и влияния антидемократических искажений политического процесса на качество демократических процедур (в первую очередь политический выбор и социальный контроль политики); на практике следует говорить о медиакратизации и ее параметрах (скорости и степени), а не о медиакратии как таковой. Концепт «медиакратия» принадлежит к критической теории и обладает оценочными коннотациями с точки зрения качества демократии; поэтому, говоря «медиакратический политический режим», мы подразумеваем не просто форму организации публичной политики, но также ее (низкое) демократическое качество.

6. Медиакратизация влечет за собой ряд негативных последствий для всех трех элементов медиаполитического взаимодействия, а также постепенно выхолащивает и лишает смысла весь процесс интеракции между политикой, СМИ и аудиторией, поскольку каждая из двух функциональных подсистем лишается субъектности, вовлекаясь в медиакратизацию и подчиняясь логике другой подсистемы, а аудитории изначально отказано в рациональном и влиятельном взаимодействии с политическими и медийными акторами. Тем не менее симулятивное взаимодействие рано или поздно идентифицируется аудиторией и постепенно ведет к чувству отторжения, возникающему в целом по отношению к институтам репрезентативной демократии и к СМИ,

аффилированным с ними; возрастает популярность «обходных» форм репрезентации интересов (в т.ч. «прямой демократии», уличного протеста и др.). Медиакратический политический процесс, таким образом, становится менее прогнозируемым и несет большой потенциал риска не только для текущего политического истеблишмента, но и для политического режима в целом, несмотря на очевидные кратко- и среднесрочные выгоды для участников медиаполитического комплекса.

7. «Этимологическая» трактовка медиакратии сближается с теорией медийно-конструируемой публичной сферы: в обоих подходах медиасистема теряет свои идеальные свойства и становится проводником и причиной искажения медиатизированной демократии. В будущем следует сопоставить переменные анализа медиакратизации и разработанные нами индикаторы демократичности публичной сферы (делиберативная вовлеченность, рациональность дискуссии, гомогенность и равноправие акторов).

8. Кейсовый анализ показывает, что на рубеже XX – XXI веков развитые демократии (Великобритания, США, Германия, Италия, Канада и др.), как и многие страны демократического транзита, подвергались медиакратизации по сходной траектории, но степень интенсивности медиакратизации, время ее начала и ее скорость были различной. Это подтверждает, что возможны сравнительный анализ медиакратизации по ее степени и скорости (а возможно, и по иным параметрам), медиакратическое моделирование (поиск медиакратических моделей), а также учет медиакратизации в качестве параметра при сравнительном анализе демократических режимов и прогнозирование развития медиакратизации в развивающихся демократиях.

9. Кейсовые исследования проводились в том числе для того, чтобы выявить переменные для межстранового анализа медиакратизации. Было выявлено, что переменные могут быть универсальными и национально-особенными (обусловленными типом политической системы, медиасистемы, аудитории). При сравнительном анализе медиакратизации следует учитывать и компенсировать специфику национального социополитического контекста.

10. Среди выявленных признаков медиакратизации оказались феномены в четырех различных доменах: это «состояние публичной политики», «медиаполитическое взаимодействие», «состояние медиасистемы», «состояние аудитории». Таким образом, можно изучить, какой именно домен в данной политике отвечает за ее медиакратизацию в наибольшей степени. Подоменная комбинация показателей дает *национальный медиакратический сценарий*; при наличии схожих сценариев для разных политик можно говорить о *медиакратических моделях*, а значит, и о потенциале прогнозирования в медиакратических исследованиях.

11. Проверка возможности сравнительного анализа медиакратизации по степени и скорости проводилась на шести «модельных» политиках. Выбор политик был обусловлен тремя факторами: принадлежностью политического режима к демократиям на достаточном промежутке времени (в разных системах измерения), принадлежностью медиасистемы страны к ареалу, где журналисты в целом разделяют либерально-демократический идеал работы СМИ (по Д. Хэллину и П. Манчини), а также наличием достаточного объема вторичных данных для анализа медиакратизации. Были выбраны Великобритания, Германия, Франция, Италия, Греция, Израиль. Выработаны рекомендации для расширения круга исследуемых политик, составлены перечни стран/регионов, которые могут включаться в новые исследования.

12. Апробирован индексный подход в исследовании медиакратизации демократий. Были выбраны 50 переменных, 46 были обработаны до конца за время исследования. Параметры медиакратизации были разбиты на универсальные (характерные для многих стран), национальные (имеющиеся в данной стране / группе стран) и компенсационные (введены для возможной компенсации национально-особенных переменных). Также они были разбиты на статические (для измерения степени медиакратизации) и динамические (для измерения ее скорости). Каждой переменной присваивался ряд значений (0; 1) или (0; 1; 2). Максимальный индекс медиакратизации составил 88

баллов. Каждой переменной была придана собственная методика измерения; некоторые методики потребовали отдельных исследований и апробации.

13. Результаты, полученные для «модельных» политий, показали, что сравнительный анализ медиакратизации, медиакратический мэппинг и моделирование медиакратий возможны. Для каждой из стран были получены индексы медиакратизации по 46 переменным; по четырем переменным еще продолжается полевое исследование. В целом индексы медиакратизации едва превышали половину шкалы (из 81: Великобритания – 47, Греция – 46, Италия – 44, Израиль – 41, Германия и Франция – 32). Это говорит либо о несовершенстве методики, либо о том, что устойчивые демократии сопротивляются медиакратизации достаточно сильно. С учетом того, что только три переменные из 46 имели одинаковые значения для всех стран (и в дальнейшем должны быть исключены из анализа), мы склоняемся к тому мнению, что методика валидна и демократический опыт «модельных» политий все-таки сказался положительно на их способности сопротивляться медиакратизации.

14. Подоменный анализ показателей выявил две модели медиакратизации (франко-германскую и итало-израильскую) и два индивидуальных сценария: британский и греческий. Франко-германскую модель характеризует то, что важнейшую роль в медиакратизации играют собственно отношения между медиа и политикой, а вторым по значимости является политическая конфигурация; аудитория же обладает характеристиками, которые замедляют медиакратизацию. В целом в этой модели зафиксирован самый низкий уровень медиакратизации (разница между странами этой модели и Великобританией составила 17%); интересно, что обе страны получили одинаковый индекс, хотя конфигурация немецкого сценария гораздо более сглаженная, чем во Франции. Разница между медиакратизацией аудитории Франции и Великобритании составила 10 раз. В итало-израильской модели важнейшую роль также играет медиаполитическая интеракция, но вторым важнейшим фактором является состояние медиасистемы. В этой модели

высоки и степень, и скорость развития медиакратических тенденций. Наличие модели, в которую вписывается Италия, говорит о том, что «итальянский кейс», считающийся в Евроатлантике особым случаем развития демократии, может найти параллели за пределами этого ареала. Но наличие общей модели у Италии и Израиля все же вызывает некоторые сомнения – в первую очередь из-за серьезных различий в состоянии аудитории (показатели различаются в два раза). Роднит две страны высокая политическая вовлеченность аудитории и особенно наличие в стране системы политического образования. Два сценария (британский и греческий) также объединяет ведущая роль аудитории (но именно негативная); однако в Британии она намного более высока, чем в Греции, что делает, скорее, британский кейс особым случаем медиакратизации.

15. Результаты замера скорости и степени медиакратизации были ориентированы на поиск «медиакратических порогов», при которых можно назвать режим медиакратическим. Во-первых, средним значением индекса стала цифра в 40 баллов из 81. Но оценка кейсов со стороны научного сообщества показывает, что только Италия и Великобритания, набравшие 44 и 47 баллов, часто признавались государствами с медийно-искаженной демократией (работ о Греции пока очень мало). Поэтому мы предлагаем считать «медиакратическим порогом» 44 балла (50% от максимального значения индекса). Однако не исключено, что при анализе транзитивных демократий обнаружится, что этот порог может быть гораздо выше. Во-вторых, «медиакратический порог» является национально- и ситуативно-обусловленным; в силу этого медиакратический индекс политики должен регулярно пересчитываться. В-третьих, результаты анализа не подтвердили нашу гипотезу «медиакратической сатурации» (страны высокой степени медиакратизации имеют низкую скорость медиакратизации, поскольку уже достигли «порога насыщения» медиакратического режима). Такой паттерн демонстрирует только Греция, где степень медиакратизации самая высокая, а разница между скоростью и степенью медиакратизации (в %) самая низкая.

Пять других стран показали два других паттерна. Так, Великобритания, Италия и Израиль показывают относительно высокую степень и высокую скорость медиакратизации, Германия и Франция – низкую степень и скорость. Против ожидания, процесс медиакратизации в Великобритании и Италии продолжился в начале 2010-х годов – несмотря на перестройку коммуникативного аппарата в Лондоне в 2005 году и активизации левоцентристской демократической оппозиции в Италии в 2006 году.

16. Сопоставление наших данных с тремя моделями демократических медиасистем (Hallin&Mancini 2004) дает несколько важных результатов. Во-первых, высокие показатели Великобритании противоречат мнению Хэллина и Манчини о либеральной модели журналистики как о безусловно демократической. Судя по результату Германии, система общественно-государственных сдержек и противовесов играет для сопротивления медиакратизации более важную роль, чем либеральное «броуновское движение» политических и социальных акторов в странах либеральной модели. Во-вторых, с точки зрения медиакратизации средиземноморская модель журналистики не является однородной. Так, Франция показывает паттерн, близкий Германии, что может стать аргументом для отнесения ее к корпоративно-демократической, а не к полярно-плюральной модели медиасистем. В то же время Италия и Греция демонстрируют ожидаемо высокие уровни медиакратизации. Однако за медиакратизацией в этих двух странах лежат разные триггеры – традиционный медиаполитический комплекс отношений в Италии и недавний медиакратический детачмент в Греции. В-третьих, Израиль, до сих пор в коммуникации находящийся под влиянием традиций британской журналистики, развивает политику по консенсусному, а не мажоритарному образцу; это позволяет стране сдерживать медиакратизацию на уровне, среднем между Великобританией и Германией. Таким образом, разговор о траекториях медиакратизации в транзитивных демократиях не может сводиться к гипотезе заведомо более высокой медиакратизации в них. В целом индекс показал достаточную

методологическую независимость, хотя частично был основан на моделях журналистики по Хэллину и Манчини.

17. Индексная методика обладает особым преимуществом, а именно – гибкостью относительно динамики медиаполитического взаимодействия. Переменные могут выходить из индекса при потере релевантности; новые переменные могут включаться в него по мере возникновения. Но данная методика не позволяет проследить связь между переменными. Если такой анализ будет проводиться, следует разделить переменные на независимые («переменные условия»), к которым нужно отнести переменные состояния трех элементов базовой схемы, и зависимые («переменные результаты»), к которым будут отнесены переменные медиаполитического взаимодействия. Если медиакратизация политического режима войдет как отдельная переменная в сравнительный анализ качества демократии, использовать следует именно «переменные результаты». Сегодня мы не видим препятствий для подобного развития сравнительно-демократических исследований.

Апробация исследования. Работа над теоретической и эмпирической частью диссертационного исследования проводилась при поддержке двух НИР фундаментального характера: «Теория и практика медиакратии в современных социально-политических процессах» (НИР в рамках развития фундаментальных тематических направлений СПбГУ, руководитель - А. С. Пую, 2010-2011 годы) и «Карта медиакратий: создание интегрального индекса медиакратизации политики для демократических политий» (грант Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук, руководитель – С. С. Бодрунова, 2011-2012 годы). По итогам второй НИР открыт портал проекта «Карта медиакратий» (<http://jf.spbu.ru/mediacracy>).

Выводы исследования были изложены в более чем 40 публикациях, включая авторскую монографию «Современные стратегии британской политической коммуникации» (2010 год, лонг-лист всероссийской премии «Общественная мысль – 2010») и коллективную монографию под редакцией соискателя (с А. С. Пую, 2013 год, первая премия Национальной

ассоциации масс-медиа-исследователей, первая премия Российской Коммуникативной Ассоциации). Иные публикации включают 18 статей в изданиях, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией РФ, восемь англоязычных публикаций, изданных в Великобритании, Германии, США, Турции, России (в том числе две подлежащие индексации в международной наукометрической базе Web of Science), а также более 20 иных работ.

Результаты эмпирических исследований были доложены на 35 конференциях разных уровней (от мировых до факультетских), в том числе на конференциях мировых и региональных исследовательских ассоциаций: ECPR Standing Group on the European Union's 4th Pan-European Conference on EU Politics (25-27 сентября 2008 года, Рига, Латвия); UACES 'Values and the EU' Study Group's Workshop «What Binds Europeans Together?» (24-25 апреля 2009, Глазго, Великобритания); 39th UACES Annual Conference «Exchanging Ideas on Europe» (3-5 сентября 2009 года, Анжер, Франция); WAPOR 65th Annual Conference (14-16 июня 2012 года, Гонконг, Китай); First International Symposium on Language and Communication (12-14 июня 2012 года, Измир, Турция); ECREA 4th Annual Conference (24-27 октября 2012 года, Стамбул, Турция); XXVIII SISP Convegno Annuale 2013 (11-13 сентября 2013 года, Флоренция, Италия). Соискатель выступал организатором международных англоязычных по тематике исследования, в т.ч. российско-немецкой научной конференции «Media and Politics: Mediacracy in Germany and Russia» (19-20 апреля 2010 года), симпозиума «Transcultural Media Research – New Challenges in the Context of Digital Communication and Social Change» (28 февраля – 3 марта 2012 года), Первой международной конференции «Comparative Media Studies in Today's World» (17 апреля 2013 года).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав и семи параграфов, заключения, библиографического перечня литературы и шести приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** к работе обсуждены факторы, обуславливающие актуальность избранной темы и исследовательские подходы к ее изучению, сформулированы цель и задачи исследования, описаны его теоретическая и методологическая база, обоснована новизна исследования, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Медиаполитическое взаимодействие: теории и методы анализа. Медиакратия как «зонтичная» медиаполитологическая концепция»** изложены теоретические подходы к медиаполитическому взаимодействию и медиакратическому анализу, а также проанализированы основные теории публичной сферы с целью поиска точек соприкосновения с медиакратическими исследованиями.

В первом параграфе автор реконструирует «компаративный поворот» в современной политологии и медиалогии. Сравнительные исследования в обеих этих научных областях вышли в последние десятилетия на новый уровень развития, когда стали возможны межстрановые сравнительные исследования на уровне политической / медийной системы. Во многом эти исследования оказались возможны в силу использования методологии прикладной теории систем и наработок этой теории для обеих дисциплин – политологии и медиалогии.

Системная перспектива в гуманитарных исследованиях важна в контексте данного исследования тем, что ее использование позволяет выделить *медиаполитическое взаимодействие* как единый объект исследования и применить к нему ракурс рассмотрения, отличающийся от политологического, политико-коммуникативного, медиалогического. Предложено выделить изучение медиаполитического взаимодействия в отдельную дисциплинарную область – *медиаполитологию*, принципиально сравнительную по характеру и имеющую объектом изучения явления,

возникающих при соприкосновении политической и медийной систем. Системный подход позволяет сформулировать нормативную перспективу таких исследований: *медиаполитическое взаимодействие должно быть организовано так, чтобы политическая и медийная системы выполняли свои базовые социальные функции с максимальной степенью демократизации, сохраняя при этом возможность легитимно восполнять системные дефициты друг друга.*

Но для того, чтобы такой ракурс был возможен, следует рассматривать политическую и медийную сферу как системы. При этом прикладная теория систем работает в этих областях по-разному. В политологии получили наибольшее развитие (и критику) три ветви – системно-структурный (основанный на работах Д. Истона, Г. Алмонда и коллег), лумановский социально-структурный и системно-сетевой («самоорганизационный») подходы; продуктивной для понимания политики как системы представляется также параметрическая теория систем (работы А. Уёмова и коллег). Наличие большого корпуса работ как теоретико-методологического, так и эмпирического характера позволяет применить системный ракурс к сфере политического. В медианауке системные исследования только начались, и в научном сообществе еще даже не сформулировано определение медиасистемы, которое обсуждалось бы большинством ученых; в XXI веке появились первые межстрановые эмпирические исследования на уровне медиасистем, и только в последние годы в рамках международных исследовательских проектов и конференций зарождается дискуссия о сфере медиа как системе и о ее системных свойствах, хотя термин применяется крайне широко. Наиболее развитым в медианауке из системных подходов является социально-сетевой; пользуясь идеями Н. Лумана, развитыми Р. Мюнхом и Ф. Марцинковским, можно сделать допущение о возможности применять системный взгляд к медиасфере.

Вслед за большинством исследователей медиаполитического взаимодействия мы выбрали в качестве нормативной составляющей

демократизацию социальной системы и сформулировали четыре вектора, по которым должно идти демократическое развитие. Мы также обратили внимание, что если справедлива идея о системных дефицитах как одной из причин интеграции социальных подсистем, то политическая и медийная системы существуют в условиях «двойной функциональности»: они должны выполнять свои функции в широкой социальной системе и восполнять системные дефициты в подсистеме-партнере / самих себе. В этой «двойной функциональности» имеется кризисный потенциал, поскольку выполнение одних функций может стать препятствием для выполнения других – либо подменить одни другими. Приоритет общесоциальных (демократических) функций перед функциями восполнения собственного дефицита выстраивает нормативную перспективу в сравнительных исследованиях медиаполитического взаимодействия.

Чтобы наглядно показать объект изучения, мы предложили базовую схему медиаполитического взаимодействия, включающую структурные элементы и элементы связи. Структурно к схеме принадлежат фрагменты политической и медийной систем как носители и продуценты медиаполитического взаимодействия, но также общество (медиаполитическая аудитория), ощущающая на себе последствия «двойной функциональности» медиа и политики.

Во втором параграфе данная базовая схема подвергается рассмотрению в аспекте качества демократического процесса. Рассматриваются теории, обсуждающие искажения, приносимые медиасистемой в политический процесс (теории медиации и медиатизации политики, медиаполитики). Медиаполитика в англо-американской и некоторой части европейской теории рассматривается как качественно новый этап развития медиаполитического взаимодействия, в котором оно доходит до степени медиаполитического симбиоза и формирования элитарных медиаполитических комплексов. Но нельзя назвать опыт медиатизации однозначно позитивным или негативным для демократического процесса; но можно сказать, что без участия

медиа-системы принятие решений в публичной политике уже практически не осуществляется. Политический режим с принципиальным участием медиа-системы во властном (пере)распределении можно назвать *медиадемократией*; тогда все изменения, приносимые медиа-системой в политический процесс, можно разделить на демократические и антидемократические. Последние пока в науке рассматриваются достаточно разрозненно и не объединены общей концептуально-аналитической схемой.

Для выработки такой общей схемы мы предлагаем использовать концепт «медиакратия». Несмотря на то, что термин используется в десятках работ, в том числе ведущих ученых, о нем не сложился научный консенсус; можно обнаружить минимум три способа его интерпретации, которые мы называем концепциями медиакратии. Сам термин, принадлежащий критической медиатеории, позволяет концептуализировать негативные изменения в политическом процессе по вектору «медиадемократия – ее искажения». В целом с процессуальной точки зрения медиакратия как качественная характеристика политического режима может восприниматься как своего рода *финальность*, результат процесса сращения журналистики и политики. В таком случае под *медиакратизацией* следует понимать процесс нарастания объема медиаполитических практик, признаваемых антидемократическими.

Три способа трактовки концепта «медиакратия» - «этимологический», «маркетинговый» и глобалистский, или геополитический – существенно различаются, в т.ч. в объекте описания. Если в «этимологической» трактовке медиакратия – «власть СМИ», т.е. «колонизация» политики журналистикой и примат медийной логики в политическом процессе, а сами СМИ – игрок на арене принятия решений, конкурентный политическим акторам (а иногда и побеждающий их в степени влияния на повестку дня, поведение аудитории и выработку решений), то в «маркетинговой» трактовке медиакратия – «власть через СМИ», т.е. комплекс практик, имеющих место при сращивании политических и медийных акторов в медиаполитическом взаимодействии, а в глобалистской – транснациональный режим, установленный с привлечением

медиа к внешнеполитической игре на «большой шахматной доске». Как показывает наша полемика с С. П. Поцелуевым, два первых подхода могут быть скомбинированы для лучшего понимания сути медиакратических трансформаций политических режимов. «Этимологическая» концепция медиакратии противоположна «маркетинговой» в том смысле, что предполагает передачу СМИ полномочий власти, что *придает им политическую субъектность*, тогда как «маркетинговый» подход говорит об *отказе медиасистемы от субъектности*, поскольку она становится симулятивной.

Социальные последствия медиакратизации многообразны; многие из них неоднократно описаны в релевантной академической литературе. Медиакратизация приводит к *функциональной деградации* во всех трех элементах базовой схемы исследования. Так, в политике это в том числе деградация некоторых политических институтов, смещение баланса сдержек и противовесов, ускорение политического процесса и шорт-термизм, ослабление политической инициативы, рефеодализация публичной дискуссии, выхолащивание политики в целом. В медиасистеме это рост цинизма в СМИ, развитие метаосвещения, расслоение журналистского сообщества, пиаризация и тривиализация медиаконтента. Но сильнее прочих страдает аудитория, теряющая не только возможности контроля публичной политики и рационального выбора представителей, но и доверие к традиционным репрезентативным демократическим институтам; электоральная явка снижается, а сама аудитория выталкивается либо в политическую апатию, либо в пространство прямой демократии. В итоге *добровольное вовлечение политики и медиа в медиакратизацию чревато в долгосрочной перспективе коррозией социальных ролей самих СМИ и политики*, хотя каждая из подсистем действует, казалось бы, в собственных интересах – но кратковременных. В силу нарастания медиакратических тенденций ученые говорят не только о кризисе общественной коммуникации, но и о «системном сбое» политического процесса в силу потери

политическими акторами доверия со стороны общества. Сопротивление медиакратизации может идти разными путями – от контркультурного до политико-просвещенческого, но не все они одинаково эффективны.

Третий параграф диссертации посвящен рассмотрению другой теории, где можно найти анализ вовлечения медиасистемы в политический процесс, а именно – теории публичной сферы. Кратко описываются четыре концепции публичной сферы – структурно-функциональная, либеральная, медийная, сетевая. Показывается, что «этимологическая» трактовка медиакратии сближается с теорией медийно-конструируемой публичной сферы: в обоих подходах медиасистема теряет идеальные свойства и становится проводником и причиной искажения медиатизированной демократии.

Таким образом, в первой главе разработаны теоретические основы сравнительного анализа медиакратизации в сопоставлении с иными медиаполитическими теориями. Указана необходимость выработки параметров сравнительного анализа.

Вторая глава **«Ситуационный анализ медиакратизации политики»** как раз и посвящена поиску признаков медиакратизации, которые затем могли бы стать переменными эмпирического сравнительного анализа.

В четвертом и пятом параграфах рассмотрены, соответственно, кейсы «этимологической» (Великобритания, Германия) и «маркетинговой» (Великобритания, Италия, США, другие страны) медиакратии; более убедительными представляются вторые. Для реконструкции событий и «отношений силы» (power relations) в кейсах был использован ситуационный анализ (анализ риторической ситуации, фрейм-анализ «правил игры»). В «этимологических» кейсах, скорее, показано, что медиа не играют той серьезной роли (ключевого игрока в пространстве принятия решений), какую приписывает им «этимологическая» концепция медиакратии. При этом ожидания, налагаемые на события «маркетинговой» концепцией, оправдываются; сращивание медиасистемы и политического процесса в

каждом случае приводит к постепенному нарастанию объема социальной критики и снижению доверия населения к политикам и политике.

После изучения кейсов были уточнены некоторые характеристики медиакратизации как процесса; так, она может быть линейной, а может быть – циклической; при этом она может создавать рамочные политико-медийные ситуации, в которых медиакратическая логика берет верх как над логикой медиа, политики, аудитории. Факторы, влияющие на медиакратизацию, можно разделить на универсальные (глобальные) и национально-особенные.

По итогам кейсов можно выделить признаки медиакратизации в четырех доменах: политическом процессе, медиасистеме, поведении аудитории, медиаполитическом взаимодействии. В политике это партийно-политические сдвиги в центр политического спектра (all-catchism), некоторые виды популизма, дерационализация, персонализация, скандализация и «спэдизация» (от ‘spad’ – советник по особым вопросам) политического процесса. В медиасистеме – перенос внимания на исполнительную власть, политическая поляризация нейтральных медиа, резкие и кратковременные трансформации в медиазаконодательстве. В медиаполитическом взаимодействии – стратегизация и институционализация коммуникативной деятельности политических акторов, рост журналистских пулов, нарастание неформальных связей между журналистами (и владельцами СМИ) и политиками. В поведении аудитории – отказ от ассоциации с партиями и политикой в целом, массовый отказ от традиционного политического участия и при этом – рост инициатив «прямой демократии». Некоторые из этих признаков можно назвать также эффектами медиакратизации.

Выделенные признаки могут быть операционализированы и служить для выработки дизайна сравнительного исследования медиакратизации.

В третьей главе, носящей название **«Индексный анализ медиакратизации демократических политий»**, указывается, что основными целями сравнительного анализа медиакратизации современных демократий на сегодняшнем этапе должны стать мэппинг медиакратических

политических режимов и медиакратическое моделирование, или поиск моделей медиакратизации. Шестой параграф посвящен уточнению дизайна исследования, в частности уточнению уровня анализа и отбору «модельных» политий. Уровнем анализа признан национальный уровень (для первого этапа апробации методики). Выбор «модельных» политий был ограничен сразу с нескольких сторон. С политической точки зрения путем совмещения данных нескольких демократических индексов были выбраны стабильные демократии. Сравнительная медиалогия (исследования медиасистем на национальном уровне) наложила собственные ограничения: были выбраны политии из разных моделей по Д. Хэллину и П. Манчини, а также одна страна за пределами их моделей. В итоге список «модельных» политий вошли Великобритания, Германия, Франция, Италия, Греция и Израиль.

В седьмом параграфе излагаются финальный дизайн и результаты исследования. Для сравнительного анализа был избран индексный подход, обладающий преимуществами гибкости и «зонтичности». Были учтены вариативность политических систем и медиасистем. Была разработана матрица медиакратического анализа, включившая переменные в шести доменах интеракции между элементами базовой схемы; впоследствии число доменов было сокращено до четырех – «Политика», «СМИ», «Медиаполитика», «Аудитория». Переменные разбиты на статические и динамические, что позволило выявить степень и скорость медиакратизации «модельных» политий. Также переменные разбиты на универсальные, национально-определенные и компенсационные (введены для возможной компенсации национальных особенностей в рамках дизайна исследования). Также они разбиты на структурные и интеракционные. Переменные не разбивались на независимые, зависимые и контрольные, поскольку индексная методика этого не подразумевает.

В четырех доменах были избраны для анализа следующие переменные:

- в домене «Политика» - мажоритаризм/консенсусность в политической системе, форма правления, демократический индекс политии (в статике и

динамике), поляризация партийного спектра, политическая культура, «скатывание в центризм», персонализация политики, наличие формальной оппозиции (только для мажоритарных демократий), репрезентативность коалиции (только для консенсусных демократий), президенциализация политического режима (только для парламентских республик);

- в домене «Медиаполитика»: медиаполитический параллелизм (с пятью подпараметрами), государственное субсидирование газетного сектора, политическое воздействие на медиазаконодательство, открытость демократических институтов, параметры политической коммуникации (пиаризация правительств, журналистские пулы при первых лицах, стратегизация правительственной коммуникации, «гонка за СМИ», неформальные отношения и связи в медиаполитике), политическая поляризация тематической прессы;

- в домене «СМИ»: медиаконцентрация (с двумя подпараметрами), медиаразнообразие в газетном секторе, модель медиасистемы (по Хэллину и Манчини), индекс свободы прессы (в статике и динамике), традиции прессы (с двумя подпараметрами), либерально-демократический идеал в журналистике (с пятью подпараметрами), динамика медиаразнообразия (только для полярно-плюральных стран по Хэллину и Манчини – с двумя подпараметрами);

- в домене «Аудитория»: уровни доверия СМИ (газетам и телевидению; в статике и динамике), воспринимаемая активность аудитории, электоральная апатия, вовлеченность в политику (с двумя подпараметрами), политическое образование, рейтинги ведущих политиков.

Результаты индексирования можно свести к нескольким выводам (в том числе отраженным в положениях, выносимых на защиту). Так, полученные данные показали, что медиакратический мэппинг и моделирование медиакратий возможны. Для каждой из стран были получены индексы медиакратизации по 46 переменным (по четырем переменным продолжается полевое исследование). В целом индексы медиакратизации едва превышали

половину шкалы (из 81: Великобритания – 47, Греция – 46, Италия – 44, Израиль – 41, Германия и Франция – 32). Подоменный анализ показателей выявил две модели медиакратизации (франко-германскую и итало-израильскую) и два индивидуальных сценария: британский и греческий. Франко-германскую модель характеризует то, что важнейшую роль в медиакратизации играют собственно отношения между медиа и политикой; в этой модели зафиксирован самый низкий уровень медиакратизации. Обе страны получили одинаковый индекс в цифрах, хотя конфигурация немецкого сценария гораздо более сглаженная, чем во Франции. В итало-израильской модели важнейшую роль также играет медиаполитическая интеракция; вторым важным фактором является состояние медиасистемы. В этой модели высоки и степень, и скорость развития медиакратических тенденций. Два сценария (британский и греческий) также объединяет ведущая (и негативная) роль аудитории; однако в Британии она намного более высока, чем в Греции, что делает британский кейс особым случаем медиакратизации.

Результаты замера скорости и степени медиакратизации были ориентированы на поиск «медиакратических порогов». Оценка кейсов со стороны научного сообщества показывает, что только Великобритания и Италия, набравшие 44 и 47 баллов, часто признавались государствами с медийно-искаженной демократией. Поэтому предложено считать «медиакратическим порогом» 44 балла (50% от максимального значения индекса). Результаты анализа не подтвердили гипотезу «медиакратической сатурации» (страны высокой степени медиакратизации имеют низкую скорость медиакратизации, поскольку уже достигли «порога насыщения» медиакратического режима). Такой паттерн демонстрирует только Греция, где степень медиакратизации самая высокая, а разница между скоростью и степенью медиакратизации (в %) самая низкая. Пять других стран показали два других паттерна. Так, Великобритания, Италия и Израиль показывают

относительно высокую степень и высокую скорость медиакратизации, Германия и Франция – низкую степень и скорость.

Сопоставление наших данных с тремя моделями демократических медиасистем (Hallin&Mancini 2004) дает несколько важных результатов. Во-первых, Великобритания, несмотря на принадлежность к либеральной модели журналистики, показывает высокий уровень медиакратизации. Таким образом, наличие развитой демократической журналистики еще не гарантирует, что страна защищена от медиакратизации; британский кейс демонстрирует значимость медиакратизации аудитории, израильский – траектории политического развития. Во-вторых, разница между Великобританией и Германией предполагает, что система общественно-государственных сдержек и противовесов играет для сопротивления медиакратизации более важную роль, чем либеральное «броуновское движение» политических и социальных акторов в странах либеральной модели. В-третьих, с точки зрения медиакратизации средиземноморская модель журналистики не является однородной. Так, Франция показывает паттерн, близкий Германии, что может стать аргументом для отнесения ее к корпоративно-демократической, а не к полярно-плюральной модели медиасистем. В то же время Италия и Греция демонстрируют ожидаемо высокие уровни медиакратизации. Однако за медиакратизацией в этих двух странах лежат разные триггеры. В-четвертых, Израиль, находящийся под влиянием традиций британской журналистики, развивает политику по консенсусному образцу; это позволяет стране сдерживать медиакратизацию на уровне, среднем между Великобританией и Германией. Таким образом, разговор о траекториях медиакратизации в транзитивных демократиях не может сводиться к гипотезе заведомо более высокой медиакратизации в них. В целом индекс показал достаточную методологическую независимость, хотя частично был основан на моделях журналистики по Хэллину и Манчини.

Критика результатов проведенной работы может включать отсутствие разделения переменных на независимые и зависимые, неучет некоторых

признаков медиакратизации, выявленных в кейс-исследованиях, а также отсутствие «взвешивания» результатов индексирования относительно долей каждого домена в индексе. Эти позиции составляют потенциал развития методики; при включении данных индексирования в качестве параметра оценки демократического статуса политики следует пользоваться только переменными домена «Медиаполитика».

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях:

1. Бодрунова С. С. Медиapolитическое взаимодействие или политическая коммуникация? К вопросу о развитии медиapolитологии в России // Медиаскоп. 2014. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1653>.

2. Бодрунова С. С. Медиакратический лидер (на примере образа премьер-министра Великобритании Тони Блэра) // Власть. 2014. № 2. С. 95-100.

3. Бодрунова С. С. Политический маркетинг как прародитель медиapolитики: опыт политических партий Великобритании // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2014. № 1. С. 89-98.

4. Бодрунова С. С. Политическая автономия медиасистемы и ее экономические основания: опыт стабильных демократий // Экономическое возрождение России. 2014. № 1(39). С. 122-126.

5. Бодрунова С. С. Делиберативная демократия «сверху вниз»: концепции Европейской публичной сферы и проблема демократического дефицита ЕС // Политика и общество. 2014. Вып. 1. С. 88–99.

6. Бодрунова С. С. Газетный рынок Италии в начале XXI века и причины его кризиса // Экономика и предпринимательство. 2014. Вып. 1, ч. 1. С. 41–45.
7. Бодрунова С. С. Парадигмы «адвокатирования» и «арбитража» в западной журналистской этике и их ценностно-нормативное наполнение // Социология и право. 2014. № 1(23). С. 16-23.
8. Бодрунова С. С., Пую А. С. Медиаполитическое взаимодействие в Италии и его изучение в России (реплика на книгу Н.В. Уриной «Журналистика и политика: итальянский опыт взаимодействия») // Медиаскоп. 2014. №1. URL: <http://mediascope.ru/node/1485>.
9. Бодрунова С. С. Имидж государства – критерий прикладной оценки политической кондициональности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер. «Гуманитарные и общественные науки». 2013. №4(184). С. 38–42.
10. Бодрунова С. С. Принципы европейского регулирования телевизионного сектора: либерализация рынка или защита демократии средствами ТВ? // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. 2013. № 4(44). С. 105-115.
11. Бодрунова С. С. Медиарынок Великобритании и газетный кризис: стратегии выживания газет в период дигитализации медиапроизводства // Экономическое возрождение России. 2013. №4(38). С. 129–142.
12. Бодрунова С. С. Британские таблоиды в электоральном процессе: пример медиакратии или «слабая сила»? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. 2013. Вып. 4. С. 55-74.
13. Бодрунова С. С. Британский рынок прессы и политический процесс: символический и медиакратический смысл «таблоидных поворотов» // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 9. 2013. Вып 1. С. 188-206.
14. Бодрунова С. С. Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестн. С.-Петербур. ун-та. 2012. Сер. 9, вып. 3. С. 203-215.

15. Большаков С. Н., Бодрунова С. С. Формирование позитивного имиджа страны: политические метафоры, стереотипы и параллелизмы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. №6(20), том 4. С. 87-93.

16. Бодрунова С. С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. №1. С. 110–132.

17. Бодрунова С. С., Большаков С. Н. Политический маркетинг в контексте медиаполитики // Геополитика и безопасность. №4. 2010. 78-84.

Монографии:

18. Бодрунова С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 424 с.

19. Медиакратия: современные теории и практики / Под ред. А. С. Пую, С. С. Бодруновой. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. – 354 с.

Другие публикации автора:

20. Бодрунова С. С. Карта медиакратий: создание интегрального индекса медиакратизации политики для демократических политий: описание и результаты исследовательского проекта. СПб, 2013. – 120 с.

21. Бодрунова С. С. Западная медиа-аксиология и либерально-демократический идеал работы СМИ // Журналистика. Общество. Ценности / Ред.-сост. В. А. Сидоров. СПб, 2012. С. 94–169.

22. Бодрунова С. С. Газетный рынок Великобритании: типология современной газеты под влиянием мирового кризиса прессы // Вестн. Молодых ученых Санкт-Петерб. гос. ун-та. 2012. С. 32-42.

23. Бодрунова С. С. Типологизация прессы Великобритании: теория и практика // Массмедиа российского мегаполиса: типология печатных СМИ / Под. науч. ред. Б. Я. Мисонжникова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. С. 182-192.

24. Бодрунова С. С. Типологические модели в медиалогии итальянской прессы // Массмедиа российского мегаполиса: типология печатных СМИ / Под. науч. ред. Б. Я. Мисонжникова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. С. 206-215.
25. Bodrunova S. 'Humble and Hard-Working'? Sergey Sobyenin and Alexey Navalny as Moscow Mayoral Candidates of 2013 // Political Marketing: Principles and Applications / ed. by J. Lees-Marshment / 2nd ed. London: Routledge, 2014. P. 178-181.
26. Bodrunova S. S. Media and Public Sphere // Russian Federation 2014: Short-Term Prognosis / ed. by K. Tüür, V. Morozov / 'Politica' Series. Vol. 16. Tartu: University of Tartu, 2014. P. 49–52.
27. Bodrunova S. S., Litvinenko A. A. New media and the political protest: the formation of a public counter-sphere in Russia of 2008–12 // Russia's Changing Economic and Political Regimes: The Putin Years and Afterwards / ed. by A. Makarychev, A. Mommen. London: Routledge, 2013. P. 29–65.
28. Bodrunova S. S. Fragmentation and Polarization of the Public Sphere in the 2000s: Evidence from Italy and Russia // Global Media Journal. Spring/Summer 2013. Vol. 3, Issue 1. URL:http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-27654/GMJ5_Bodrunova_final.pdf. - 2,6 п.л.
29. Bodrunova S. S., Litvinenko A. A. Hybridization of the Media System in Russia: Technological and Political Aspects // World of Media 2012: Yearbook of Russian Media and Journalism Studies / ed. by E. L. Vartanova. Moscow, 2013. P. 37-49.
30. Bodrunova S. S. A Case of Incompatibility: EU Regulation of TV Sector and Its Adaptation in the Italian System of Law // Medya Elestirileri 2009: Bilinc endustrisinin iktidar ve siyaset pratikleri. Istanbul: Beta Publications, 2009. P. 99-126.
31. Political Marketing as a Forefather of Media Politics: Despondency of British Political Journalism at the Turn of the Millennium // Medya Elestirileri

2009: Bilinc endustrisinin iktidar ve siyaset pratikleri. Istanbul: Beta Publications, 2009. P. 225-276.

32. Bodrunova S. S. Mediacracy or Mediademocracy? On Some Conceptual Approaches to the Interaction of Journalism and Politics in Established Democracies // ZDES Working Paper Series. WP 2010-7. 2010. URL: http://www.zdes.spb.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=323&Itemid=64.

Учебники и учебные пособия:

33. Бодрунова С. С., Озерова Е. Г. СМИ Великобритании в XXI веке // Современная зарубежная журналистика: глокализация в практике западноевропейских СМИ: учеб. пос. / Под ред. Пую А.С. СПб: Издательство СПбГУ, 2010. С. 10–110.

34. Бодрунова С. С. Современные массмедиа Италии: многообразие периодики и конфликт телеинтересов // Современная зарубежная журналистика: глокализация в практике западноевропейских СМИ: учеб. пос. / Под ред. Пую А.С. СПб: Издательство СПбГУ, 2010. С. 214 – 303.

35. Бодрунова С. С., Курышева Ю. В. Принципы регулирования телевещания на территории ЕС // Современная зарубежная журналистика: глокализация в практике западноевропейских СМИ: учеб. пос. / Под ред. Пую А.С. СПб: Издательство СПбГУ, 2010. С. 373–396.